



И. Е. Барыкина

ПРОСВЕЩЕННЫЙ ДЕСПОТ

...фанатик своих идей, он вел непрерывную борьбу один против всех...

Е. С. Шумигорский

...он хотел один всем управлять, все видеть, все улучшить: создал множество неблагодарных и умер несчастным.

Неизвестный автор XVIII в.

Оценка личности человека, находящегося на вершине власти, редко бывает однозначной, поскольку в сознании современников и потомков возникает вопрос о нравственной стороне политических решений, их влиянии не только на магистральный путь развития страны, но и на повседневную жизнь частных людей. Фигура императора Павла I, чье царствование продлилось всего четыре года и четыре месяца, является собой яркий пример такого противоречия. Романтик и деспот, рыцарь и тиран, мистик, фанатик идей, русский Гамлет, бедный Павел — столь несхожие образы императора создает научная и художественная литература. Его правление проникнуто противоречивыми тенденциями просвещения и деспотизма, стремлением к развитию самоуправления и в то же время к жесткой централизации власти.

Эмблемой, зрительным образом этого непростого царствования может служить Гатчинский дворец: мрачные неприступные стены средневекового замка резко контрастируют с интерьерами эпохи классицизма, свидетельствующими о тонком художественном вкусе и романтическом настроении владельца. Недаром этот дво-

рец стал резиденцией предпоследнего российского императора Александра III, фигуры столь же неоднозначной, как и Павел I (с которым его не раз сравнивали близкие).

В поисках разгадки этой головоломки исследователи обращаются к биографии Павла I, насыщенной драматическими деталями, справедливо полагая, что ответы на многие вопросы нужно искать в детстве героя, когда формировался его характер. Но сложные взаимоотношения с родителями не исчерпывают всего комплекса причин, определивших направление царствования последнего монарха XVIII века. Рубеж столетий знаменовал собой не только хронологический переход от одной эпохи к другой, но и смену политических парадигм, поэтому объяснение кроется и в особенностях политической обстановки в Российской империи, и в эволюции взглядов философов и политиков той эпохи на природу самодержавной власти.

Одна из ключевых особенностей самодержавия заключалась в идее непрерывности власти, подразумевающей, что императорский престол не должен оставаться незанятым. Эта идея ставила перед правящим монархом задачу обеспечения государства наследником, которая была обозначена создателем Российской империи Петром I. Изданный им в 1722 году указ о престолонаследии провозглашал, что «было всегда в воле правительствуемого государя, кому оной хочет, тому и определить наследство»¹. Такая формулировка стала почвой для дворцовых переворотов, последовавших за кончиной царя-реформатора и продолжавшихся в течение первой четверти XVIII века.

Почти непрерывную смену правителей на троне, сопровождавшую эпоху дворцовых переворотов, в 1741 году на двадцать лет прервало царствование дочери Петра I — Елизаветы Петровны. Совершив очередной дворцовый переворот и сместив малолетнего императора Ивана Антоновича, выбранного в качестве преемника ее двоюродной сестрой Анной Иоанновной, Елизавета сразу же приступила к решению проблемы престолонаследия. Не имея собственных детей, монархия остановила свой выбор на племяннике, сыне своей сестры Анны. Старшая дочь Петра I, Анна Петровна, была еще при жизни своего отца просватана за гольштейн-готторпского герцога Карла Фридриха и в мае 1725 года стала герцогиней Гольштейн-Готторпской. В 1728 году у супружеской четы родился

¹ Устав о наследии престола // Полное собрание законов. Собрание I (1649–1825). Т. 6. С. 496. № 3893.

единственный ребенок — Карл-Петер-Ульрих. Через месяц после родов герцогиня умерла, спустя одиннадцать лет ушел из жизни ее супруг. Таким образом, Елизавета Петровна, в 1841 году выписывая к себе племянника, получившего после смерти отца титул владетельного герцога Шлезвиг-Гольштейн-Готторпского, не только обеспечивала преемственность самодержавной власти в Российской империи, но и брала под свое покровительство осиротевшего подростка. Четырнадцатилетний Карл-Петер-Ульрих в ноябре 1742 года перешел в православие, став великим князем Петром Федоровичем и был объявлен наследником российского престола.

Смена вероисповедания и имени не изменили внутренний мир юного гольштинского герцога. Россия не стала для него родной страной, он не принимал во внимание масштабы империи и особенности огромного государства, оставаясь по существу правителем небольшого немецкого герцогства. Очевидно, Елизавета Петровна довольно скоро осознала, что племянник — не самый лучший кандидат на российский престол, поэтому приняла следующее решение: ее преемником должен стать законный потомок Петра I, воспитанный в российском государстве и в православной вере. Это решение диктовало необходимость женитьбы великого князя Петра Федоровича.

В качестве невесты для своего племянника Елизавета Петровна выбрала Софию Августу Фредерику, дочь герцога Кристина-Августа Анхальт-Цербстского и Иоганны-Елизаветы (урожденной принцессы Гольштейн-Готторпской). Таким образом, между будущими женихом и невестой, оказавшимися дальними родственниками, не должно было возникнуть никаких барьеров: ни языковых, ни культурных.

Однако София Августа Фредерика, прибывшая в Россию в 1744 году и ставшая после перехода в православие Екатериной Алексеевной, являла полную противоположность своему жениху. От природы энергичная и честолюбивая, она сразу поняла, какую роль должна играть, чтобы сохранить и упрочить свое положение. Шестнадцатилетняя девушка оказалась не по годам рассудительной, умело скрывала свои чувства и улавливала настроение императрицы. Великой княгине Екатерине Алексеевне пришлось научиться интриговать, приспособливаться, лавировать между придворными партиями, искать союзников. На этом непростом пути ее не раз подстерегали поражения, ставившие под угрозу дальнейшее пребывание при российском дворе. Непрочность положения великой княгини усугублялась тем, что брак, заклю-

ченный с Петром Федоровичем в 1745 году, в течение девяти лет оставался бездетным.

Позднее Екатерина объясняла эту ситуацию болезнью мужа, не позволявшей ему выполнять супружеский долг до тех пор, пока в ситуацию не вмешались врачи. Наконец, 20 сентября 1754 года у великолепной четы родился долгожданный наследник — Павел. Рождение Павла Петровича окутано ореолом тайны, созданным записками его матери. Екатерина II уклончиво повествует об интимных отношениях с супругом, намекая на близость с одним из придворных — красавцем Сергеем Салтыковым. Этот сюжет, давший пищу воображению литераторов и ставший предметом исследований историков, получил известность в середине XIX века, когда из Вольной типографии А. И. Герцена вышли «Записки Екатерины II»².

В лондонской типографии была издана одна из редакций записок. В начале XX века Императорская Академия наук опубликовала полный состав автобиографических записок Екатерины II, часть которых написана на французском языке³. В начале XX века были изданы переводы этих материалов⁴. Существует несколько редакций «Записок», что ставит под сомнение их подлинность. Проблема верификации этого исторического источника, так же как и вопрос о цели, которую преследовала императрица, в разные периоды жизни приступая к мемуарам, неоднократно становилась предметом научного исследования. Большинство исследователей полагает, что монархиня, не питавшая нежных чувств к Павлу, стремилась посеять сомнение в законности передаче ему престола, чтобы, минув сына, сделать наследником своего внука — Александра I. В записках главным действующим лицом событий, предшествующих появлению на свет долгожданного (спустя 9 лет после заключения брака) наследника, является Сергей Салтыков, который, если верить Екатерине, был увлечен ею и добился взаимности.

К этому сюжету Екатерина II обращалась в письме к Г. А. Потемкину в 1774 году, более определенно, чем в записках, высказавшихся о своих отношениях с Сергеем Салтыковым: «Марья Чоглокова, видя, что через девять лет обстоятельства остались те же, каковы

² Записки Екатерины II. Лондон, 1859.

³ Сочинения императрицы Екатерины II, на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А. Н. Пыпина. СПб., 1907. Т. 12.

⁴ Записки императрицы Екатерины II. Перевод с подлинника, изданного Императорской Академией наук. СПб., 1907.

были до свадьбы, и быв от покойной государыни часто бранена, что не старается их переменить, не нашла иного к тому способа, как обеим сторонам сделать предложение, чтобы выбрали по своей воле из тех, кои она на мысли имела, с одной стороны выбрали вдову Грот <...> а с другой Сер. Сал., и сего более по видимой его склонности и по уговора мамы (Елизаветы Петровны. — И. Б.), которую в том поставляла великая нужда и надобность»⁵. Таким образом, инициатором интимной связи великой княгини и придворного кавалера оказывается сама Елизавета Петровна, стремившаяся любым способом добиться появления наследника. При этом Екатерина II ни в одном документе определенно не называет Сергея Салтыкова отцом Павла, поскольку подобное утверждение разрывало ее родственную связь (через сына) с династией Романовых. Права на российский престол немецкой принцессы могли быть обоснованы только тем, что она являлась матерью наследника престола. Записки лишь дают простор воображению читателя, допуская возможность сомнения в законности происхождения Павла Петровича.

Известен исторический анекдот об отношении предпоследнего российского самодержца к этому сюжету российской истории. Александр III, узнав о вероятности того, что отцом Павла мог быть Сергей Салтыков, воскликнул: «Слава Богу, мы русские!», а услышав, что возможно все-таки Павел — сын Петра III, сказал: «Слава Богу, мы законные!». У императора было достаточно чувства юмора и уверенности, чтобы не сомневаться в занимаемом положении.

Впрочем, официальная версия, утверждавшая, что Петр III является отцом Павла I, способствовала тому, что его потомков российская и европейская аристократия в конце XIX — начале XX века воспринимала не как Романовых, а, в первую очередь, как представителей гольштейн-готторпской династии. А. А. Мосолов, начальник Канцелярии Министерства императорского двора в царствование Николая II, в мемуарах рассказал историю с «Готским альманахом», публиковавшим сведения о европейских правящих династиях. Между прочим в нем было сказано, что российский престол занимает династия Гольштейн-Готторп-Романовых. На письменный запрос А. А. Мосолова редакция альманаха ответила, что «наименование династии исторически точно» (император Павел — сын герцога Петра Гольштейн-Готторпского, унаследовавший его титул) и изменено быть не может⁶.

⁵ Там же. С. 739.

⁶ Мосолов А. А. При дворе последнего императора. СПб., 1992. С. 98.

Вопрос о последствиях записок Екатерины II до сих пор является актуальным. В связи с ним в историографии поднимаются и другие проблемы: самостоятельно или с чьей-то помощью императрица писала мемуары в конце жизни, насколько оправдался расчет на то, что сомнения в законности происхождения Павла I станут препятствием к его воцарению, каким образом эта информация отразилась в менталитете российской правящей элиты? Поиск ответов на эти вопросы связан с решением еще одной проблемы — насколько в самодержавной системе управления Российской империи XVIII века было сформировано представление о жесткой преемственности власти (например, в сравнении с германской)?⁷

В собственных мемуарах Екатерина II не предстает любящей матерью. Появление ребенка на свет оставило у нее тягостное впечатление физической боли, заброшенности и ненужности. Никто не интересовался самочувствием роженицы, двор был поглощен празднествами в честь рождения наследника, которые продолжались в течение месяца. О значении, которое придавали этому событию Елизавета Петровна и ее окружение, свидетельствуют оды М. В. Ломоносова, посвященные рождению Павла Петровича.

Возвеселил Петров благословенный дом
И с ним Россию всю желаемым плодом.
К его же щедрости с усердною мольбою
Зовем, да под Твоей щастливою рукою
Младаго Павла век до зрелости взрастит,
Тебя, родителей и нас возвеселит;
Да племенем его, как ныне мы, сердечно
Возрадуются все потомки безконечно⁸.

Екатерина Алексеевна осознавала, что в глазах российского общества выполнила миссию, для которой прибыла в Россию. Будущее великой княгини представлялось неясным, упрочить ее положение могла только связь с ребенком — наследником, но и этой возможности она была лишена. Елизавета Петровна сразу же забрала младенца в свои покой, мать увидела сына только на крестинах, а затем все ее общение с ним было ограничено краткими визитами в детскую комнату с разрешения императрицы. Естественно, великую княгиню раздражало все, что было связано с маленьким Павлом, в первую очередь, отношение двоюродной бабки к ребенку.

⁷ Съянова Е. Что немке хорошо... // Дилетант. 2012. № 10. С. 32–34.

⁸ Ломоносов М. В. Надпись. На рождение Государя великого князя Павла Петровича // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. СПб., 1784. Ч. 1. С. 294–295.

Мальчик был окружен большим количеством суетливых и не очень опытных нянек, державших его в душной, жарко натопленной комнате укутанным в теплую одежду. По мнению матери, именно это стало причиной болезненности Павла.

Елизавета Петровна была весьма озабочена воспитанием вну-чного племянника. С четырехлетнего возраста Павла начали обучать чтению и счету. Занятия с великим князем были поручены Федору Дмитриевичу Бехтееву, до этого проявившему себя на дипломатической службе. Наставник сообразил, что индиви-дуальное обучение даст меньший эффект, чем групповое. Вместе с Павлом «за парту» сели небогатые дворяне из его окружения — Савелий и Анна Титовы, — делая вид, что впервые видят буквы и цифры. Такая методика себя оправдала, великий князь быстро делал успехи. Подобный прием снова был использован в XIX веке при подготовке будущего Александра II, только соучениками наследника оказались его родовые ровесники. Также Бехтеев на-шел необычное средство воспитания: поведение Павла Петровича освещалось в специальных «Ведомостях», публиковавшихся якобы для европейских дворов. На самом деле эти «Ведомости» не выхо-дили за пределы окружения великого князя, но ему внушали, что все его проступки становятся известны за границей.

Когда ребенок достиг шестилетнего возраста, его воспитателем был назначен дипломат граф Н. И. Панин. Выбор наставников из представителей дипломатического корпуса был, вероятно, обусловлен тем, что они имели возможность изучить европейские системы обучения и воспитания и применить их в российских условиях. В 1760 году по поручению монархии Панин разработал план подготовки будущего наследника престола. Документ был торжественно поднесен Елизавете Петровне и начинался с не-пременных высказываний о мудрости правительницы. Однако при всем пафосе этого произведения оно заслуживает внимания, так как представляет первый серьезный и системный подход к под-готовке будущего монарха в истории Российской империи. До этого «падение» на российский престол было делом случая, никакой специальной подготовки самодержцы эпохи дворцовых перево-ротов не получали. Лишь в середине XVIII века, после рождения Павла I, российские императоры начинают задумываться о том, какими качествами должен обладать будущий монарх, можно ли воспитать и развить эти способности и что для этого нужно делать. Образовательное движение, начатое в середине XVIII века, будет продолжено в следующем столетии и достигнет своего наивысшего

развития в подготовке великого князя Николая Александровича, старшего сына Александра II, которой займется императрица Мария Александровна.

План, составленный Н. И. Паниным, был разработан в духе эпохи Просвещения и преследовал цель воспитания «государя боголюбивого, правосудного и милосердого», заботящегося о «попечении народного благосостояния». Помимо общих слов о ежедневных примерах, «наставляющих к добру» или «отвращающих от зла», план содержал конкретные рекомендации. Во-первых, выбор наставника, имеющего «речь внятную и ласковую, душу прямую и бескорыстную, рассудок здравой», чуждого суеверий. Во-вторых, набор предметов, изучавшихся будущим государем. На раннем этапе в него входили история, изучение Священного Писания, словесность и логика в виде упражнений в изложении мыслей, французский язык и «кавалерские экзерциции», т. е. этикет, танцы, верховая езда, а также рисование. Позднее (Панин не оговаривает, в каком именно возрасте) должны были добавиться «познание коммерции, казенных дел, политики внутренней и внешней, войны морской и сухопутной, учреждений мануфактур и фабрик, и прочих частей составляющих правление государства». В-третьих, выделение определенной суммы великому князю на приобретение книг, предметов искусства и оплаты труда учителей. В-четвертых, ограждение великого князя от излишней роскоши, забота о его окружении, в которое должны были войти «кавалеры» «благородных сентиментов (чувств. — И. Б.), добрых нравов и обычаев». Предусматривалось, что они должны пройти своеобразный испытательный срок, на это время Панин предлагал сохранить за ними места их предыдущей службы, чтобы в случае исключения из окружения Павла Петровича они могли вернуться на прежнее место⁹.

План воспитания наследника, составленный Паниным, сегодня выглядит скорее как набросок, руководство к действию, чем как детально продуманная и разработанная система. Поднеся его императрице, Н. И. Панин приступил к осуществлению своих предложений. Он начал с перемены окружения великого князя: дворяне, которые составляли узкий круг людей, заботившихся о Павле, были удалены, вместо них за обедами стали присутство-

⁹ Всеподданнейшее предъявление слабого понятия и мнения о воспитании его императорского высочества, государя великого князя Павла Петровича. Записка графа Н. И. Панина. 1760 г. // Русская старина. 1882. № 11. С. 313–334.

вать специально приглашенные люди — «кавалеров благородных сантиментов». Шестилетний мальчик болезненно переносил эти перемены, он оказался лишенным единствено близких ему людей, вырван из привычной среды. Однако постепенно Панину удалось завоевать доверие Павла.

Смерть Елизаветы Петровны в декабре 1761 года изменила привычное течение жизни маленького великого князя. От впечатлительного мальчика поначалу скрывали тяжелое состояние императрицы. По-видимому, он был привязан к двоюродной бабке, т. к. спустя три года, в 1764 году, «с крайним сожалением рассказывал о кончине покойной государыни Елизаветы Петровны, в каком он тогда был унынии»¹⁰. Ситуация, сложившаяся вокруг российского престола, не способствовала заботам о воспитании ребенка, официально объявленного наследником и цесаревичем на следующий день после воцарения Петра III. Отцу и матери, противостоявшим друг другу в своем стремлении получить власть, было не до Павла. Правда, Е. Р. Дашкова вспоминала, что Екатерина регулярно навещала своего сына, тогда как Петр Федорович был к нему равнодушен. Когда же по желанию воспитателей и по настоянию гольштинских родственников отцу пришлось проэкзаменовать великого князя, Петр III был очень удивлен познаниями Павла¹¹.

Сегодня сложно судить, что двигало Екатериной II в ее стремлении быть рядом с сыном — материнская любовь или понимание того, что лишь статус матери будущего российского монарха придает легитимность ее положению. Так или иначе, присутствие маленького Павла в столице во время дворцового переворота 28 июня 1762 года стало аргументом в пользу Екатерины, сместившей своего супруга. Народ воспринял ее действия как стремление передать власть законному наследнику — Павлу Петровичу, на этом настаивали сподвижники молодой императрицы Н. И. Панин и Е. Р. Дашкова. Однако Екатерина не спешила провозглашать своего сына правителем, а себя — регентшей, она стремилась получить всю полноту власти. Первое время она везде появлялась с сыном, демонстрируя легальность своих действий.

Двойственность положения пагубно сказалась на характере Павла. С одной стороны, с рождения ему внушалась мысль о его предназначении и особом положении наследника престола. С дру-

¹⁰ Порошин С. А. Семена Порошина записки, служащие к истории... Павла Петровича. СПб., 1844. С. 15.

¹¹ Дашкова Е. Р. Записки 1743–1810. Л., 1985. С. 24–25.

гой стороны, это положение долгое время оставалось лишь видимостью, «ширмой», скрывавшей истинные намерения Екатерины II. Возможно, человеком здравомыслящим и менее впечатлительным слова и действия окружающих не воспринимались бы буквально. Павел оказался увлекающейся натурой, с богатым воображением, подвижной психикой, он еще в детстве усвоил идею о том, что ему уготован императорский престол. Окружающие вели себя с мальчиком, как с будущим монархом, они превозносили достоинства великого князя, указывая на его исключительность. Когда же по мере взросления цесаревич стал осознавать реальное положение дел, реакцией на двусмысленность ситуации стали несдержанность и своеволие, которые проявлялись все чаще как протест против контроля и запретов со стороны матери.

Воспитатели наследника старались исправить его недостатки. Один из «кавалеров», приставленных к Павлу, Семен Андреевич Порошин, вникал во все детали детской жизни и был искренне привязан к мальчику. Именно такой наставник был нужен эмоциональному, порывистому, но несомненно способному ребенку. С. А. Порошин был выпускником первого военного учебного заведения для дворянских детей — Сухопутного шляхетного кадетского корпуса. Он получил хорошее, по меркам своего времени, образование: знал несколько иностранных языков, много читал, увлекался историей, пробовал себя в литературной деятельности. Некоторое время Порошин был флигель-адъютантом Петра III, однако во время событий 28 июня 1762 года не принял сторону свергнутого монарха. И граф Панин, и Екатерина II имели возможность хорошо узнать способного молодого офицера, поэтому вскоре после дворцового переворота он был приставлен к великому князю Павлу Петровичу в качестве воспитателя. В этой должности Порошин оставался в течение четырех лет, до 1766 года, когда он был удален из Петербурга, получив назначение командиром в Старо-Оскольский пехотный полк. Причиной отставки могло быть влияние, которое наставник оказывал на своего питомца, вызвавшее опасения со стороны Н. И. Панина.

С. А. Порошин прожил недолгую жизнь, скончавшись от болезни в 1768 году. Главным его трудом стали «Записки, служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича, наследника престолу российского», увидевшие свет только в следующем столетии. Главным героем «Записок» был цесаревич, чьи учебные занятия, времяпрепровождение, высказывания, поведение и настроение в течение двух лет — 1765 и 1766 годов — подробно зафиксировал

воспитатель. Спустя сто лет подобный труд предпринял наставник великого князя Александра Александровича (будущего императора Александра III) Н. П. Литвинов. Его дневник, частично опубликованный¹², как и записки С. А. Порошина, до настоящего времени остается ценным источником, содержащим сведения о становлении характера и развитии наследника престола.

Порошин отметил черты Павла Петровича, проявившиеся затем и в зрелом возрасте: набожность и мечтательность, сочетавшиеся с неуравновешенностью, непостоянством увлечений и привязанностей, резкими сменами настроения. «Его высочество, будучи весьма живого сложения, и имея наichelовеколюбивейшее сердце, вдруг влюбляется почти в человека, который ему понравится; но как никакие усилиевые движения долго продолжаться не могут, если побуждающей какой силы при том не будет, то и в сем случае крутая прилипчивость должна утверждена и сохранена быть прямо любви достойными свойствами того, который имел счастье полюбиться. Словом сказать, гораздо легче Его Высочеству вдруг весьма понравиться, нежели навсегда соблюсти посредственную, не токмо великую и горячую от него дружбу и милость»¹³. Павел мог быть не сдержан и резок с окружающими, порой с трудом выносил возражения и нередко бывал раздражителен.

При этом воспитатель высоко отзывался о способностях десятилетнего ученика, проявлявшего острый ум в изучении тех предметов, которые его интересовали. «У меня очень хорошо учился; начал вычитание долей. Сего дня при учении у меня сам Его Высочество изволил сделать примечание, что когда неравное число или *нечетное* вычтешь из числа равного или *четного*, остаток всегда будет *не-чет*. Его Высочеству и прежде неоднократно сему подобные острые примечания делать случалось. Если б Его Высочество человек был партикулярный (частный. — И. Б.) и мог совсем предаться одному только математическому учению, то б по остроте своей весьма удобно быть мог нашим российским Паскалем <...>. Я стараюсь Его Высочеству показать причину и основание каждого действия, чем рассуждение весьма острится. В сие и сам он весьма охотно вникает и с большой легкостью пройденное не мыслить себе приводит»¹⁴. Академик Ф. Эпинус, преподававший математику

¹² Из дневника Н. П. Литвинова // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 443–536.

¹³ Порошин С. А. Указ. соч. С. 10.

¹⁴ Там же. С. 21–22.

Павлу Петровичу, говорил о нем: «Голова у него умная, но в ней есть какая-то машинка, которая держится на ниточке: порвется эта нитка, машинка завернется, — и тут конец и уму и рассудку»¹⁵.

С. А. Порошин преподавал наследнику также естественную историю, барон А. Л. Николай — логику, выпускник Страсбургского университета Ф. Г. Лафермьер — французскую литературу, П.-Ш. Левек, приглашенный Екатериной II из Франции, — историю; под руководством митрополита Платона цесаревич изучал Закон Божий. Н. И. Панин привлек к воспитанию великого князя композитора Г. Н. Теплова. Для обеденных бесед к цесаревичу приглашались не только ученые, но и государственные деятели — вице-канцлер А. М. Голицын, брат наставника П. И. Панин, дипломат М. М. Философов, сенатор А. Ф. Талызин, князь П. В. Хованский. Таким образом, наследник престола, согласно плану Н. И. Панина, приобщался к политике.

Сохранились сочинения великого князя, написанные им в период обучения. Это рассуждения «Об удовольствиях», «О праздности», «О довольствии», «Размышления, пришедшие мне в голову по поводу выражения, которым мне часто звенели в уши: о «принципах правительства»», «О разных предметах» и выписки из биографий Марии Медичи, Карла I Стюарта, Генриха IV и герцога Бекингема. Все эти заметки несут на себе отпечаток эпохи Просвещения и содержат свойственные философии того времени сентенции о необходимости справедливых законов для блага государства и вреде тирании¹⁶.

Вместе с тем Павел унаследовал от отца склонность к военным занятиям. По-видимому, он не был склонен к однообразной и монотонной деятельности, скучал на приемах, устраиваемых императрицей, а военные упражнения давали выход его импульсивности. К тому же наследник в раннем возрасте получил воинское звание: Павел Петрович с 1762 года был генерал-адмиралом, а в 1772 году получил звание полковника кирасирского полка. Все это предполагало привлечение к военной службе, которой в тот период отдавалось предпочтение перед гражданской. В июне 1765 года цесаревич впервые принял участие в красносельских маневрах, и лагерная жизнь произвела на него неизгладимое впечатление. С течением времени военный мир стал той областью, где цесаревич смог найти применение своим способностям. Тяга к военным заня-

¹⁵ Шильдер Н. К. Император Павел I. М., 2009. С. 40.

¹⁶ Императрица Екатерина II, цесаревич Павел Петрович и вел. кн. Мария Федоровна: Письма, заметки и выписки, 1782–1796. СПб., 1874. С. 168–214.

тиям передалась по наследству не только сыновьям Павла I, но и его отдаленным потомкам. Не случайно представители мужской линии дома Романовых в XIX веке воспринимали свое положение как государственную службу, в том числе и военную.

Павел Петрович увлекся не только парадной стороной военной жизни, но и вопросами обороноспособности государства и организации армии. В 1774 году он написал записку «Рассуждение о государстве вообще, относительно числа войск, потребного для защиты оного, и касательно обороны всех пределов». Павел полагал, что многочисленные войны разоряют страну, поэтому от наступательных действий необходимо перейти к оборонительным. Однако должной организации обороны мешает плохая организация армии, отсутствие воинской дисциплины и документов, ее регламентирующих. В 1778 году он снова вернулся к вопросу об устройстве российской армии, предлагая в переписке с Н. И. Паниным пополнить российскую армию за счет набора солдат в Германии.

На случай возможной войны с Австрией в 1770–1780-х годах великий князь написал «Рассуждение о защите границ», в которой разработал план передвижения войск, размещения складов с оружием и продовольствием, подсчитал численность войск и длительность переходов¹⁷. К тому же периоду относятся и его заметки об исчислении государственных расходов¹⁸.

Екатерина II не вмешивалась в воспитание наследника. Внешне императрица и великий князь казались идеальной семьей: часто появлялись вместе на важных государственных мероприятиях, собирались в совместную поездку по Волге летом 1766 года (цесаревич не смог отправиться в путешествие из-за болезни), вместе сделали прививку от оспы осенью 1768 года, — но настоящей привязанности между матерью и сыном не было. В первые годы своего правления, чувствуя себя еще недостаточно уверенно на российском престоле, Екатерина II постоянно демонстрировала свою связь с наследником. Однако этим ограничивалась ее забота о сыне, на первом месте у императрицы всегда были государственные дела. Она не пожалела Павла, только что перенесшего болезнь, чтобы показать подданным безопасность оспопрививания.

По мере взросления Павла Петровича в Екатерине II зрело чувство разочарования в наследнике. Она не видела преемника в болезненном, нервном, чувствительном подростке, который все

¹⁷ Там же. С. 174–184.

¹⁸ Там же. С. 184.

более походил на отстраненного ею от власти Петра III. По мере того, как укреплялось положение монархии, она отдала Павла от себя, приближая фаворитов. В 1772 году наследнику исполнилось восемнадцать лет. Это событие не было отмечено пышными официальными торжествами, поскольку не существовало закона, определявшего возраст совершеннолетия. К тому же признание цесаревича должно было повлечь за собой официальную передачу власти в его пользу, что не входило в намерения императрицы. Екатерина II решила отвлечь внимание сына от государственных дел, заняв его семейными хлопотами.

Выбирая невесту для цесаревича, императрица сначала остановилась на вюртембергской принцессе Софии-Доротее-Августе, однако препятствием к браку стал слишком юный возраст кандидатки — 13 лет, поэтому Екатерина II продолжила поиски. Опасаясь отпускать сына в заграничное путешествие по немецким государствам для выбора невесты, она пригласила в Петербург семейство ландграфа Людвига Гессен-Дармштадского. После переговоров летом 1773 года к российскому двору прибыла ландграфиня с тремя дочерьми: принцессами Амалией, Вильгельминой и Луизой. Екатерина II дала Павлу три дня на размышление, на четвертый он должен был назвать имя будущей невесты. Такая спешка была вызвана двусмысленным положением немецких принцесс: они не были ни помолвлены, ни обручены с великим князем, но находились при дворе его матери. Такого precedента в европейской истории еще не было, Екатерина с трудом убедила родителей принцесс пойти на этот шаг. Торопить Павла не было необходимости, со свойственной ему пылкостью он увлекся Вильгельминой. Чувства молодых людей были взаимными, но будущий брак был определен не только ими. На женитьбе Павла Петровича на гессен-дарштадской принцессе настаивал и его воспитатель, граф Н. И. Панин, полагая, что это будет способствовать сближению России и Пруссии. На четвертый день пребывания ландграфини в Петербурге императрица обратилась к ней с официальным предложением. Через четыре месяца совершилось миропомазание принцессы Вильгельмины, ставшей в православии великой княжной Наталией Алексеевной. 16 августа 1773 года состоялось обручение цесаревича, а 29 сентября — свадьба.

Надежды, которые Екатерина II возлагала на свою невестку, не оправдались. Уже через год императрица высказывала недовольство поведением великой княгини Натальи Алексеевны, ее образом жизни, нежеланием учить русский язык, расточительностью,

болезненностью. Великий князь полностью попал под влияние жены, и это также раздражало монархиню. Но Павел был счастлив и в 1776 году готовился стать отцом. Однако роды оказались неудачными, Наталья Алексеевна умерла, а ребенка спасти не удалось. Родовые муки продолжались пять дней, после смерти великой княгини выяснилось, что у нее с детства были искривлены кости позвоночника, и это препятствовало благополучному родоразрешению. Приглашенные врачи оказались бессильны. Все это время Екатерина II и Павел находились у постели Натальи Алексеевны. Императрица, проявив завидную силу духа, предпринимала все возможное, чтобы спасти невестку и поддержать сына.

Оправившись от этой трагедии, императрица снова озабочилась вопросом продолжения рода и по истечению срока траура принялась хлопотать о поиске новой невесты для сына. Она вернулась к идеи женить его на вюртембергской принцессе, разрешив в этот раз великому князю предпринять заграничное путешествие, чтобы отвлечь его от переживаний. Императрица преследовала и другую цель — Павел должен был побывать в Берлине и информировать ее обо всем, что происходило при дворе прусского короля Фридриха Великого. Великий князь ответственно отнесся к своей миссии, впервые на него было возложено государственное поручение. В течение всего заграничного путешествия он вел оживленную переписку с матерью. Помимо политических событий он сообщил ей о своем намерении жениться на Софии-Доротее-Августе. При прощании с невестой Павел Петрович вручил ей специально написанное наставление из четырнадцати пунктов, включавших рекомендации по образу жизни, изучению языка, финансовых дел, религии, обращения с придворными и императрицей. Очевидно, Павел хотел избежать в будущем критики своей избранницы со стороны Екатерины II.

Летом 1776 года гессен-дармштадтская принцесса прибыла в Россию, чтобы стать супругой великого князя Павла Петровича — великой княгини Марии Федоровной. Этот брак оказался удачным. Великая княгиня была хороша собой и обладала покладистым характером. «Стройна как нимфа, цвет лица — смесь лилии и розы, прелестнейшая кожа в свете; высокий рост, с соразмерною полнотою, и легкость поступи» — так описывала свою невестку Екатерина II¹⁹.

Семейная жизнь великокняжеской четы не была безоблачной, но Мария Федоровна оказалась верной спутницей, поддерживав-

¹⁹ Шильдер Н. К. Указ. соч. С. 99.

шей супруга. Брак с ней дал большое потомство — десять детей, из которых сознательного возраста достигло семеро: четыре сына (Александр, Константин, Николай, Михаил), двое из которых впоследствии оказались на троне, и три дочери (Александра, Екатерина, Анна). Все дети унаследовали от матери статную фигуру и прекрасный цвет лица, а старший сын Александр — обаяние и умение располагать к себе людей.

Мария Федоровна не вмешивалась в политику, занимаясь устройством загородной резиденции в Павловске, подаренном ей и мужу Екатериной II в честь рождения первенца. Павловский парк до настоящего времени сохранил очарование, созданное стараниями Марии Федоровны. После воцарения Павла I она посвятила себя устройству воспитательных учреждений для сирот, возглавив Ведомство учреждений императрицы Марии, которое с тех пор традиционно находилось под покровительством российских императриц.

Рождения первенца у великолкняжеской четы Екатерина II ожидала с нетерпением. У нее вновь появилась надежда на появление достойного преемника. Императрица дала внуку, родившемуся 12 декабря 1777 года, имя Александр и приняла решение самой заняться его воспитанием. У нее было достаточно здравого смысла, чтобы не забирать мальчика у родителей, как когда-то поступила Елизавета Петровна, однако Екатерина считала, что лучше знает, как воспитывать ребенка, конструировала для него одежду, подбирала няньек и учителей. Так же она поступила и со вторым внуком Константином. Старшие сыновья Павла I много времени проводили при дворе Екатерины II, а когда она была в отъезде, состояли в переписке, и чем сильнее мать и сын отдалялись друг от друга, тем крепче становилась привязанность бабушки и внуков. Императрица видела, как в Александре Павловиче воплощаются идеи об идеальном правителе, просвещенном монархе. В ее глазах старший внук был противоположностью сыну: изящный, уравновешенный, прекрасно образованный. Постепенно у великолкняжеской четы возникли опасения, что императрица, отстраняя их от государственного управления, собирается передать власть великому князю Александру Павловичу. Монархия повсюду возила внуков с собой, как когда-то Павла Петровича. Расставание родителей с детьми при разлуках было тягостным, к родственным чувствам примешивалось еще и опасение, что, пользуясь петровским указом о престолонаследии, Екатерина II в любую минуту может объявить о передаче власти старшему внуку в обход сына.

Картину сложных семейных отношений рисует переписка, развернувшаяся между Екатериной II и великокняжеской четой по поводу предстоящего путешествия императрицы и внуков. Мальчики сопровождали бабушку в путешествии в Крым, тогда как их родители оставались в Петербурге. Павел и Мария Федоровна хотели последовать за детьми, уверяя императрицу, что не могут перенести разлуку и опасаются за здоровье сыновей. Они направили Екатерине II два письма. «Опасения наши, государыня, — писали в первом письме великие князь и княгиня, — основываются на здоровье детей наших, нежный возраст которых возбуждает сомнения, вынесут ли они утомление долгого пути, предпринятого среди зимы, и перемену климата, тем более, что у сыновей наших еще не было болезней, обыкновенно свойственных их возрасту». Эти слова не произвели впечатление на императрицу, обещавшую заботиться о внуках. В следующем письме Павел Петрович и Мария Федоровна старались убедить Екатерину в необходимости быть рядом с ней: «Если мысль о разлуке огорчает нас, то в вашей власти рассеять огорчение и заменить его иными, утешительными и приятнейшими чувствами. Мы ближе к вам, нежели дети наши, и в этом состоит неоцененное наше счастье. Возьмите нас вместе с ними, государыня, и мы, таким образом, будем близ вас и сыновей наших»²⁰. Было ли стремление Павла Петровича и Марии Федоровны не разлучаться с детьми проявлением родительских чувств или к ним примешивалось желание находиться в окружении императрицы, быть в курсе того, что происходило при дворе? Скорее сего, и то и другое.

Ответ императрицы был дан в короткой записке, написанной на русском языке. Она объяснила, что родители должны оставаться с младшими дочерьми, которые слишком малы, чтобы расти самостоятельно²¹. Великокняжеская чета прибегла к еще одному средству — обратилась к фавориту императрицы светлейшему кн. Г. А. Потемкину. Однако монархия была непреклонна. Лишь болезнь Константина воспрепятствовала отъезду мальчиков вместе с бабушкой в январе 1787 года. Но весной, после его выздоровления, старшие сыновья Павла I выехали навстречу Екатерине II в Москву.

Великие князья Александр и Константин Павловичи не могли не чувствовать противоречия в отношениях между родителями

²¹ Императрица Екатерина II, цесаревич Павел Петрович и вел. кн. Мария Федоровна... С. 16–19.

²² Там же. С. 18.

и бабушкой. Они научились приспосабливаться, внешне оставаясь почтительными к обеим сторонам, скрывая свои истинные чувства. Так семья Павла I оказалась расколотой.

С женитьбой окончилось воспитание великого князя, но это не означало получение им самостоятельности. Екатерина II уволила от должности воспитателя наследника гр. Н. И. Панина, но приставила к нему другого ментора — генерала Н. И. Салтыкова, которому было поручено заведовать хозяйственными делами великокняжеской семьи. Павла раздражала постоянная опека со стороны матери, а вмешательство с ее стороны в воспитание сыновей он расценивал как новое нарушение своих прав. Великий князь жаждал проявить себя в государственной деятельности и переживал, что остается в тени, когда насыщенная внутренняя и внешняя политическая жизнь империи предоставляла возможность реализации его амбиций.

Сближение России с Австрией подсказало императрице выход из сложившейся ситуации: она предложила великокняжеской чете отправиться в заграничное путешествие и посетить австрийский и французский дворы. Во-первых, такой вояж способствовал укреплению российско-австрийских отношений, во-вторых, должен был на время удалить недовольного наследника из страны, в-третьих, дать выход его энергии. Европейское путешествие великого князя Павла Петровича и великой княгини Марии Федоровны в 1782–1783 годах под именем графа и графини Северных стало первой длительной заграничное поездкой (один год и два месяца) представителей династии Романовых после Великого посольства Петра I. Они посетили Польшу, Австрию, Италию, Францию, Нидерланды и Швейцарию. Этот вояж был в своем роде образовательным путешествием: граф и графиня Северные посещали не только королевские приемы, но и театры, встречались с композиторами, знакомились с европейским искусством, подбирая произведения живописи и скульптуры для оформления интерьеров своих загородных дворцов.

После возвращения из Европы великокняжеский двор зажил своей жизнью, отличной от «большого двора». Павел Петрович и Мария Федоровна обустроили Гатчинский и Павловский дворцы по своему вкусу, изящное убранство этих загородных резиденций контрастировало с помпезностью и бьющим через край великолепием императорских резиденций Петергофа и Царского Села. Любимым времяпрепровождением «малого двора» были театральные представления, в которых принимали участие не только профессиональные актеры, но и придворные.

В Гатчине и Павловске великий князь Павел Петрович смог реализовать свою тягу к военному делу. Из чинов флотских батальонов в 1786 году он начал формировать гатчинские войска. Через десять лет под его началом было 6 батальонов пехоты, одна егерская рота, 3 кавалерийских полка, 1 казачий эскадрон и одна рота артиллерии. В этих войсках вводилась строгая дисциплина, военный устав на подобие прусского, Павел постоянно занимался с ними «экзерцированием» (изучением строевых приемов). Для нижних чинов была устроена военная школа. Современные исследователи полагают, что требования, предъявляемые к солдатам и офицерам в гатчинских войсках, не были чрезмерными, а учебные заведения подготовили целый корпус военных специалистов. В Гатчине Павел Петрович обратил внимание на А. А. Аракчеева, выделявшегося своей исполнительностью, и приблизил его к себе.

В 1783 году великий князь испрашивал согласия императрицы, чтобы отправиться на войну с Турцией, но Екатерина II ответила отказом. В 1787 году Павел настойчиво повторил попытку, а его супруга была готова следовать за ним. Между матерью и сыном началась настоящая «бумажная война»²³, закончившаяся согласием императрицы на отъезд великого князя в армию в качестве волонтера, но без супруги. Мария Федоровна получила строгий выговор от свекрови за свои многочисленные просьбы сопровождать мужа и рекомендацию оставаться им обоим в Петербурге²⁴. Поездке Павла Петровича на южный фронт помешало известие о том, что в его семействе снова ожидается прибавление. Екатерина II настояла, чтобы великий князь оставался в Петербурге до рождения ребенка.

10 мая 1788 года в велиокняжеской семье появилась дочь — великая княжна Екатерина Павловна. Павел Петрович мог отправляться на войну, но уже не на юг, а на север. Летом 1788 года началась война со Швецией, к участию в которой были привлечены гатчинские войска и кирасирский полк цесаревича. Великий князь прибыл в армию в первых числах июля и оставался там до окончания летней кампании. Этот краткий опыт не способствовал укреплению авторитета наследника, его вспыльчивость привела к скандалу с командующим В. П. Мусиным-Пушкиным.

Екатерина издалека наблюдала за жизнью своего сына, не упуская его из виду. Ей был известен каждый шаг великого князя, она

²³ Шильдер Н. К. Указ. соч. С. 160.

²⁴ Там же. С. 45–54.

пресекала все его попытки принимать самостоятельные решения и отдавать собственные распоряжения, касающиеся армейской или гражданской службы. Обычным делом была перлюстрация писем наследника.

Вместе с тем Екатерина II приходила на помощь в сложные для велиокняжеской четы минуты. Так, ее своевременное вмешательство спасло жизнь Марии Федоровне во время тяжелых родов 1788 года, когда на свет появилась великая княжна Екатерина Павловна.

Одновременно императрица интересовалась вариантами решения вопроса о престолонаследии в период дворцовых переворотов первой четверти XVIII века. Очевидно, ее не устраивала неопределенность петровского указа, и она предпринимала попытки разработать документ, который обеспечил бы стабильность и регламентировал передачу власти. К этому же вопросу обращался и Павел Петрович, предполагая, что мать вынашивает намерение отстранить его от престола²⁵.

Практически вся сознательная жизнь Павла Петровича прошла под неусыпным контролем со стороны матери. Реакция последовала после ее кончины. В ночь на 5 ноября 1796 года у Екатерины II произошло кровоизлияние в мозг, от которого она не смогла оправиться, несмотря на старания докторов. В то время как врачи хлопотали вокруг больной, ее окружение колебалось, извещать ли им цесаревича. Решение принял гр. Алексей Орлов, предложивший отправить в Гатчину Н. А. Зубова, брата последнего фаворита императрицы Валерина Зубова. Когда стал понятен исход дел, в Гатчину один за другим полетели гонцы, чтобы известить великого князя о том, что с минуты на минуту он взойдет на российский престол. Каждый спешил первым принести долгожданную весть новому императору, рассчитывая на его благосклонность в будущем.

Вечером 5 ноября Павел и Мария Федоровна прибыли в Зимний дворец. Двор умирающей императрицы замер в ожидании смены монархов, старшие сыновья Павла — Александр и Константин — успели переодеться в мундиры гатчинских батальонов, командирами которых были назначены отцом. Первым делом Павел Петрович опечатал бумаги Екатерины II, опасаясь, что среди них находится документ о передачи власти великому князю Александру Павловичу.

²⁵ См.: Сафонов М. М. Завещание Екатерины II (вопрос о престолонаследии во второй половине XVIII в.) // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX века (Сб. статей памяти В. С. Дякина и Ю. Б. Соловьева). СПб., 1995. С. 151–167).

6 ноября 1796 года Екатерина II скончалась, и на престол вступил император Павел I. Всю свою жизнь он испытывал ограничения. Власть, которую Павел получил в 1796 году, была безграничной, переход от одного состояния к другому оказался слишком стремительным. Абсолютная власть «захлестнула» Павла, он не смог справиться с этой стихией. Как умный и образованный человек, усвоивший дух эпохи Просвещения, новый император превыше всего ставил благо государства и подданных. Он понимал, в чем состояли недостатки предыдущего царствования: страна устала от войн, казна истощена, а дворянская вольность подрывает авторитет самодержавной власти и боеспособность армии. Однако меры, которые он предпринял для укрепления армии, центральной власти и ограничения привилегий дворянства, были восприняты как слишком радикальные высшим сословием. К тому же Павел I был типичным автократом: ему казалось, что только личный контроль самодержца за всем, что происходит в стране, позволит навести порядок. Екатерина II, по его мнению, выпустила государственные дела из-под своего контроля, допустив фаворитов к управлению, а он, Павел, призван исправить упущение. Поэтому между ним и подданными должно быть непосредственное общение. С этой целью на фасаде Зимнего дворца был установлен специальный ящик для прошений и жалоб, чтобы любой человек мог известить императора о неправильных действиях чиновников, надеясь на справедливое решение монарха. «И там, чтоб ложью льстец не вкрадся, / И клеветник не обманул, / Своей рукой за все принялся / И оком собственным взглянул»²⁶.

Особенностью павловского царствования стала попытка регламентации всех сторон жизни. В царствование Павла Петровича выходит огромное количество указов, определяющих мельчайшие детали — от пуговиц на мундирах до фасонов шляп. Всеобщий контроль за исполнением этих правил становится для Павла олицетворением порядка и закона. Так Павел понимал идею эпохи Просвещения о миссии монарха как источника права.

Не доверяя гвардии, бывшей опорой екатерининского царствования, новый император позаботился о том, чтобы ключевые посты в гвардейских полках заняли близкие ему люди: его старшие сыновья получили в командование Семеновский и Измайловский гвардейский полки, А. А. Аракчеев был назначен комендантом

²⁶ Уортман Р. С. Сценарии власти. Миры и церемонии русской монархии. Т. И. М., 2002. С. 230.

Петербурга и начальником штаба Преображенского полка. Начался стремительный карьерный рост приближенных Павла I, например: камер-паж А. И. Нелидов, брат фаворитки императора Е. И. Нелидовой, 7 ноября был пожалован в майоры, на следующий день — в подполковники, 1 января 1797 года — в полковники, в том же году стал генерал-майором и генерал-адъютантом. Возвышая тех, кому доверял, Павел I не смотрел на их происхождение: его камердинер И. П. Кутайсов, в 1797–1799 году прошел путь от гардеробмейстера до барона и графа.

Помимо кадровых перемещений началось осуществление военных преобразований, призванных укрепить воинскую дисциплину в гвардейских частях. Еще в период наследничества Павел обратил внимание на послабления в отношении гвардейцев: они могли не носить мундир, часто отсутствовали в расположении своих частей, не утруждали себя учениями. Одним из первых мероприятий павловского царствования стало ужесточение дисциплины в гвардии: обязательное ношение мундира, ежедневные строевые учения; все офицеры обязаны были немедленно вернуться к месту прохождения службы. Изменялся и покрой мундиров — они становились скромнее и проще. В армии вводился новый устав, созданный по прусскому образцу. Эталоном служили гатчинские войска, сразу же превратившиеся для гвардейцев в объект насмешек, тем более, что офицеры-гатчинцы не могли похвастаться знатным происхождением. Тем не менее часть нововведений Павла I прижилась в русской армии, например, команда «марш!», заменившая существовавшее до того времени в армейском обиходе «ступай!». Причина резко негативного отношения российского общества к павловским военным реформам крылась, в первую очередь, в изменении положения дворянства. Военная служба снова становилась обязательной для дворян: не прошедший через нее не мог поступить на службу гражданскую. Дворянство, отстаивавшее свое привилегированное положение на протяжении всей первой половины XVIII века и добившееся их подтверждения «Жалованной грамотой» 1775 года, восприняло все нововведения павловского царствования как посягательство на свои привилегии.

Павлу I казалось необходимым в глазах общества подтвердить законность своего происхождения, сомнения в которой посеяла Екатерина II. Он решил показать обществу преемственность не с матерью, узурпировавшей, по его мнению, власть, а с легитимным монархом — Петром III. Склонность императора к театральным эффектам проявилась в церемонии перезахоронения останков

отца в день похорон матери. 2 декабря 1796 года прах Петра III из Александро-Невской лавры был торжественно перенесен в императорскую усыпальницу в Петропавловской крепости вместе с гробом Екатерины II. Все это должно было выглядеть так, словно Павел I вступает на престол после своего отца. В опалу попали участники дворцового переворота 28 июня 1762 года: Алексею Орлову было предписано сопровождать гроб Петра III, Е. Р. Дашковой немедленно покинуть Петербург.

Вскоре после воцарения Павел I обратился к вопросу, волновавшему его еще в период наследничества. Он осознавал необходимость упорядочения процедуры передачи власти. Принятый 5 апреля 1797 года в день коронации акт определял порядок наследования престола по мужской линии, а Учреждение об императорской фамилии подробно оговаривало права родственников монарха. Последний документ на сто лет регламентировал положение членов императорской фамилии — до нового Учреждения, утвержденного Александром III в 1886 году.

В тот же день был опубликован еще один документ — указ о трехдневной барщине, ограничивающий время крестьянских работ на помещика тремя днями в неделю. Издание этого документа было продиктовано не столько заботой о крестьянах, сколько стремлением регламентировать их отношения с помещиками.

Историки неоднократно отмечали, что «новое царствование с первых же дней сделалось отрицанием предыдущего»²⁷. Это касалось не только внутренней, но и внешней политики. В первые дни после воцарения Павел I встретился с одним из руководителей польского восстания Тадеушем Костюшко, который содержался в Петербурге в качестве пленника, и объявил о его освобождении и об амнистии всем пленным полякам. Это решение императора лишь на первый взгляд противоречило тенденциям отношений с Польшей, заложенным Екатериной II. Павел I не собирался аннулировать территориальные разделы, проведенные в предыдущее царствование, а хотел добиться стабильности на западной окраине России. Намерение Наполеона восстановить независимое польское государства подтолкнуло Павла к созданию новой антифранцузской коалиции.

Еще наследником Павел высказывал мысли о том, что войны, которые ведет Россия, требуют слишком больших расходов. Вступив на престол, он объявил о невмешательстве в европейские дела. Однако в эпоху наполеоновских войн, менявших карту Европы,

²⁷ Шильдер Н. К. Указ. соч. С. 213.

Россия не могла находиться в стороне от международных событий. Оккупация Наполеоном о. Мальта, резиденции рыцарского ордена, обратившегося за помощью к российскому императору, привел к отправке эскадры под командованием адмирала Ф. Ф. Ушакова в Средиземное море. Этот же остров стал «яблоком раздора» в антифранцузской коалиции: после его захвата Великобританией, Павел I вышел из коалиции, заключив в 1800 году союз с Францией. Бывшие противники приступили к подготовке совместного похода в британскую колонию Индию, которая была прервана смертью российского императора.

Павел I испытал сильное влияние не только идей эпохи Просвещения, но и пришедшего ей на смену на рубеже XVIII–XIX веков романтизма. Впечатлительной натуре императора как нельзя лучше соответствовало бытовавшее в то время представление о романтике рыцарских времен. Павел представлял себя последним рыцарем, вставшим на защиту монархии. При этом у него было достаточно здравого смысла, чтобы осознавать несоответствие средневековых рыцарских идеалов и реалий Нового времени (недаром стены Гатчинского дворца украшали гобелены с изображениями Дон Кихота, к которому его создатель — испанский писатель Сервантес — относился с иронией). «Рыцарство» Павла I было скорее проявлением его любовью к театральным эффектам, наложившей отпечаток и на его политику, внутреннюю и внешнюю.

В России было учреждено великое приорство (отделение ордена). Возник парадокс — внутри католического рыцарского ордена появилось православное отделение. В 1798 году Павел издал Высочайший манифест об установлении в пользу российского дворянства ордена св. Иоанна Иерусалимского. После того, как магистр ордена без боя сдал французским войскам Мальту, рыцари лишили его сана. Следующим магистром стал российский император, к титулу которого добавились слова «и Великий Магистр Ордена Св. Иоанна Иерусалимского». Указ 1799 года увеличил число командорств. Для приобретения командорства требовался военный ценз и денежный взнос. Резиденция Ордена была перенесена в Петербург; капитул его помещался в бывшем дворце гр. М. И. Воронцова на Садовой ул., где сохранилось здание Мальтийской капеллы.

24 июня ежегодно в Павловском дворце устраивались орденские праздники Св. Иоанна Иерусалимского, на которые съезжались все кавалеры и чины Ордена. В Кавалерском или Большом тронном залах проходили приемы, на Парадном поле зажигали девять костров. Следующий день начинался торжественным богослужени-

ем, после которого император принимал поздравления в Тронном зале. В Большом зале накрывался обед на сто семьдесят персон, в Картинной галерее играл оркестр и пел хор певчих Придворной капеллы под руководством Д. Бортнянского.

Непредсказуемость действий Павла I нашла отражение и на внешнеполитической арене. Он мог объявить войну Испании из-за того, что испанское правительство не признает за ним титула магистра Мальтийского ордена, или послать вызов на поединок европейским монархам, представляя эту выходку как решение международных проблем.

Деспотизм Павла I не искоренял, а порождал нестабильность. Остались противоречивые свидетельства о характере императора — от милостивого правителя до жестокого тирана. Приближенные императора не испытывали уверенности в завтрашнем дне, их будущее зависело от настроения монарха. Выход из подобного противоречия многие в окружении самодержца видели в физическом устраниении причины их тревог. Деспотический характер власти исключал возможность апелляции к закону, оставляя место насилию. Заговор и цареубийство 11 марта 1801 года стали закономерным итогом правления просвещенного деспота.

Представление о коротком царствовании Павла I у потомков сформировалось во многом под впечатлением воспоминаний представителей дворянского сословия, чья вольность была ограничена указами императора. На отношение современников также повлияла позиция Александра I, провозгласившего возврат к екатерининскому времени и отрицавшего правление своего отца. Первые оценки павловской эпохи были даны в сочинении Н. М. Карамзина «Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», составленной историком в 1811 году. Н. М. Карамзин подошел к правлению Павла I с позиций эпохи Просвещения, делая акцент на том, что монарх должен устанавливать справедливые законы и следовать им, тогда как император оказался деспотом: «начал господствовать всеобщим ужасом, не следя никаким Уставам, кроме своей прихоти»²⁸.

Однако царствование Павла I вошло в российскую историю не только как время деспотизма, но и как эпоха побед российского оружия, которое прославили Итальянский и Швейцарский походы А. В. Суворова, Средиземноморский поход Ф. Ф. Ушакова. В кон-

²⁸ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 45.

це XVIII века в российской архитектуре появляются уникальные памятники — Михайловский замок, ансамбли Павловска и Гатчины. Законодательные акты павловского царствования надолго определили порядок формирования российской власти. В конце XIX века историки вновь обратились к изучению мероприятий этой эпохи, отмечая их неоднозначность. Исследования павловских реформ продолжаются и в настоящее время.

Фигура Павла I привлекла к себе внимание не только ученых, но и писателей. Пожалуй, ни одному самодержцу не было посвящено такое количество литературных произведений. Современный кинематограф также не остался в стороне от этой тенденции. В основу литературных и кинематографических сюжетов легли воспоминания современников — противоречивые свидетельства о характере императора, рисующие портреты милостивого правителя или жестокого тирана.

Авторы научных работ и художественных произведений стремились выяснить, чем были продиктованы действия императора: душевной болезнью или детально разработанным планом? Что обусловило выбор вектора развития страны: безумие монарха или направление было задано еще в предыдущие царствования? Иррациональны или вполне объяснимы мероприятия, проведенные Павлом I после восшествия на престол? Какие обстоятельства привели к его гибели?

В настоящей антологии предпринята попытка представить широкую палитру взглядов на личность и деяния «просвещенного деспота». В нее включены не только свидетельства очевидцев, но и фрагменты документов. Историографическая глава воссоздает вектор научных исследований по проблемам павловского царствования. В антологии представлены также фрагменты литературных произведений, созданных в прошлом столетии. Знакомство с этими разнообразными по характеру и содержанию текстами поможет читателю познакомиться с эпохой Павла I и найти свое решение «загадки императора».

